

Они пересекли реку за два дня, а лес за ней - еще за два. Хотя с ней было немного медленнее, она держалась на удивление хорошо; либо она скрывала это от него и не обращала внимания на недомогания, либо сама добилась заметных улучшений. Более вероятным был первый вариант, но Сайлас не стал допытываться.

Скучное путешествие, которое он обычно проводил в полной тишине, борясь с роем мыслей, теперь стало гораздо более веселым и оживленным. Даже если случалось, что они часами не произносили ни слова друг с другом, все равно было гораздо лучше в сопровождении, чем в одиночестве. Даже он, пусть и не такой, как все, все равно был душой социальной, казалось, ему нужны были узы, дружба и любовь.

Однако с этим пришлось покончить, когда в поле зрения появился вид на деревню. Аша отступила на несколько миль назад - по крайней мере, он попросил ее об этом, - а Сайлас сделал шаг вперед, по-прежнему вооруженный только клинком. Через несколько секунд после того, как он выпустил часть своей энергии, из деревни выплыла огромная тень в виде сотен крошечных усиков, которые превратились в фигуру в капюшоне, с глазами, скрывающими настороженность и замешательство.

"Кто ты?" - этот вопрос Сайлас слышал сотни раз. Однако теперь у него было больше контекста для рассказа Тени.

"Связки нельзя снять", - сказал Сайлас. "Неважно, что ты делаешь".

"... кто ты?" - блеск в глазах мужчины стал опасным, когда его рука потянулась к оружию.

"Даже если последний каирн будет разрушен, боги придут... и просто построят еще. От судьбы не уйти".

"Значит, ты один из возвышенных богов?" - холодно и равнодушно произнес мужчина.
"Странно, что ты пытаешься убедить меня словами сдать. Обычно твой жребий просто бросается на шею".

"Я не питаю любви к богам. Возможно, даже меньше, чем ты", - пожал плечами Сайлас. "Я просто говорю тебе, что ты мог бы провести века своей жизни, наслаждаясь ею, а не размышляя о невозможном. Королевство падет, все сгорит и превратится в пепел... но никогда не будет того мира, о котором ты мечтаешь. Во всяком случае, не в нашей жизни".

"Ха-ха-ха-ха", - мужчина внезапно начал смеяться, как будто Сайлас пересказывал самую смешную шутку из когда-либо собранных вместе. "Неужели? Ты говоришь точно так же, как те изможденные старые дураки, которые пытались остановить нас. Их лизание сапог не помогло - боги вырезали и их. Даже те, кто приносил в жертву детей в котлах... их всех выпотрошили. "

"Хааа, все это так... бессмысленно", - вздохнул Сайлас, откидывая назад волосы. "Война за войной за войной. Она никогда не кончается, не так ли? Молодые мучаются от обид старых... а обиды только растут. Желание свободы... по большей части лицемерно, как я понял. Если не боги, то кто-то другой поднимет цепи. Возможно, ты, возможно, кто-то другой. И будет толпа глупцов, которые будут им поклоняться. И так же, как они шли на войну во имя богов, они будут идти точно так же во имя чего-то другого. Ты не сможешь выбить из нас глупость. Это часть нашей сущности. Кроме того, слишком много людей беспокоятся о еде и крове, чтобы размышлять о великих мыслях безбожного мира. Ты сражаешься в битве, придуманной тобой во имя высоких целей".

"Хорошая речь. Она есть у всех", - сказал мужчина. "Знаешь, сколько шикарных речей я слышал за свою жизнь? Тысячи. Обычно они попадают в одну из двух корзин: открытый нигилизм или безнадежный оптимизм. Они хорошо помогают отвлечь "глупых в нас", как ты это назвал. Но они бессмысленны. Вещи, которые имеют значение в жизни, не нуждаются в речи. Свобода - это не возвышенная цель. Это самое чистое выражение жизни. То, что ты и твоя партия можете отвести взгляд... не делает вас лучше. Возможно, даже хуже. Ты говоришь, что моя битва бессмысленна. Возможно, так оно и есть. Я видел достаточно, чтобы

сомневаться, что мои цели могут быть достигнуты. Но... и что? Мы всегда можем сдаться. Сдаться "неизбежной судьбе" легко. Каждый может это сделать."

"Простая истина заключается в том, что мы умрем, сражаясь за это. Потому что в глубине души мы знаем, что цель верна. Твое принижение ничего не значит. Над нами издевались и смеялись все, даже те, кого мы любили. Слова незнакомца - пустота".

"Так и должно быть", - слабо улыбнулся Сайлас. "Вряд ли я хотел умалить твои мечты. Просто хотел узнать, можно ли тебя завербовать. Увы..."

"Завербовать для чего? Значит, ты работаешь на богов?".

"Нет", - покачал головой Сайлас. "Я работаю на принца, видишь ли. Молодой парень, мечтатель - такой же, как ты. Но он молод, поэтому его можно простить. И этот юноша желает трон и королевство. И... я дам ему их".

"Хах. Ты, один? И ты называешь меня мечтателем?".

"Почему бы и нет?" Сайлас невинно наклонил голову. "Если понадобится, я смогу сделать это один. Если бы для управления королевством требовалась только грубая сила, я бы уже сделал это. Но захватить королевство и удержать его - две разные вещи. У меня такое чувство, что меня не будет рядом с мальчиком, когда он поднимет корону. Так что вместо меня ему понадобятся головы покрупче и постарше его. Также поможет то, что сам король в этом замешан".

"О? Этот старый дурак? Ах. Неудивительно. Вот почему он отправил молодого принца на север. Не имеет никакого отношения к изгнанию. Ха-ха-ха. Он все еще играет в игры, все эти годы

спустя. Будь я на его месте, я бы убил их всех, даже за то, что они хотят перемен. Сентиментальный дурак, как и его отец. В любом случае, королевству будет лучше, если его род выпотрошат".

"С этим есть проблемы".

"Что?"

"Я опекун молодого принца", - улыбнулся Сайлас. "И я очень серьезно отношусь к своей работе. А ты... ты только что угрожал жизни мальчика".

"Ты очень самоуверен для того, кто вот-вот погибнет", - сказал мужчина, доставая свой клинок.

"Уверен? А-а. Нет, боюсь, то, что ты видишь, это не уверенность", - сказал Сайлас, тоже доставая клинок. "Это безразличие, порожденное сотнями лет мучений. Можно сказать, конец человечества".

"Что...", - не успел мужчина продолжить вопрос, как был вынужден отступить назад, едва успев вернуться от стремительного удара холодного серебряного клинка. Он почувствовал, как по его спине мгновенно потек холодный пот, когда старые инстинкты, дремавшие сотни лет, начали просыпаться. Он чуть не умер, понял он. И его инстинкты начали кричать - весь опыт, собранный вместе за всю его долгую жизнь, говорил ему, что он действительно может умереть.

Однако он никогда не отступал перед битвой. Кроме того, он уже тысячи раз чуть не погиб. Если и был в мире кто-то, кто дружил со смертью, так это он. По крайней мере... так он считал. Вскоре, однако, его поправили.

Хотя он и не боялся смерти, но, по крайней мере, уважал ее. Станный человек перед ним не испытывал ни страха, ни уважения - его нападение было не просто безрассудным, оно было самоубийственным. И все же он не умирал. Он резал, сметал, колол, а мужчина, казалось, был невозмутим. С другой стороны, во время их битвы его тоже несколько раз ударили, и раны не заживали. Энергия мужчины была уникальной - это был не Божественный Путь, и даже не Анти-Божественный, как его собственный. Это было нечто совсем другое, и, похоже, оно питалось от него.

Сайлас не знал, какие мысли роятся в голове у этого человека, да и не особенно стремился расшифровать его психику. В этой битве мало что зависело от следующего мгновения, а планирование слишком далеко вперед, особенно на таких скоростях, часто может привести к контр-огню.

Сам он, однако, сражался как безумец - всегда. Какую бы щель он ни увидел, он вцеплялся в нее, даже если это означало подставить свою спину под ответный удар. Он был более чем счастлив получить множество ран, чтобы нанести одну, ведь чтобы убить его, потребуются тысячи, а чтобы убить другого - всего несколько. Он мог только представить себе, как тяжело сражаться с ним - с этим неумолимым, кажущимся безумным, безбожным, неумирающим зверем, который, кажется, никогда не остановится. Сайлас знал, что если бы роли поменялись, он бы вырывал себе волосы. Многократно.

Он еще немного поразмышлял над битвой, прежде чем снова пожертвовать собой ради одной атаки - на этот раз он не стал действовать так безумно сильно, как в прошлый раз, остановившись на четверти сердца. Но этого было более чем достаточно, чтобы не только убить Тень, но и уничтожить деревню и окрестности, а также вырезать еще один каньон. Правда, этот был немного короче, уже и мельче предыдущего. Так что это было начало.

Когда он лежал на спине и смотрел на небо, он услышал приближающиеся шаги и вскоре увидел над собой знакомое лицо. Ее глаза были ясными, хотя и скрывали поволоку боли, а губы кривились в слабой улыбке.

"А ты как думаешь? Довольно круто, да?" - проворчал он, заставив себя ухмыльнуться.

"Ты сейчас не похож на мужчину", - ответила она. "Даже едва ли на мужчину".

"Это было бы больно, если бы не тот факт, что в данный момент я физически не могу пострадать сильнее".

"Ты выглядишь так, будто хорошо это воспринимаешь".

"Я привык к боли", - он принужденно улыбнулся. "Тем не менее, не мешает получить маленький приятный поцелуй, чтобы все прошло".

"Может, мне просто перевязать твои раны, приготовить тебе горячий суп и сказать, как круто ты выглядел издали?".

"... звучит как идеальный вечер. Начни с того, как круто я выглядел. Похоже, это будет отличная история".

"Пфф... Кхм, да, хорошо. Итак, ты был..."